

**ЧИТАЙТЕ МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ АРТУРА
ГЕДЕОНА
В СЕРИИ «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ»:**

ЗВЕЗДНАЯ КАРТА ЦАРЯ САУЛА

ЦИКЛ «ЛЕШИЙ»

ЛЕШИЙ. ХОЗЯИН ЧЕРНОГО ЛЕСА
ЛЕШИЙ. ЦАРЬ ЛЕДЯНОЙ ПУСТОШИ
ЛЕШИЙ. ДУХ ОГНЕННЫХ ОЗЕР

ЦИКЛ «ЛИЛИТ»

ЛИЛИТ. ЗЛОЕ СЕРДЦЕ КУКЛЫ
ЛИЛИТ. ОГНЕННАЯ ДУША КУКЛЫ
ЛИЛИТ. КУКЛА ИЗ ВЕЧНОЙ ТЬМЫ
ЛИЛИТ. В ЗЕРКАЛЕ ФАУСТА
ЛИЛИТ. ЗВЕЗДНЫЙ ПЛАЩ КАЗАНОВЫ
ЛИЛИТ. НЕУЛОВИМАЯ ЗВЕЗДА СЕН-ЖЕРМЕНА

Артур Геденон

ЛЕШИЙ

Дух огненных озер

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *О. Фатиховой*

Гедеон, Артур.

Г28   Леший. Дух огненных озер / Артур Гедеон. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247768-3

Беспопадный демон, владеющий землями от Волги до казахских степей, был почти повержен — две из трех его голов снесли рыцари небесной канцелярии. Детектив Андрей Крымов, его куратор Антон Антонович Долгополов и журналистка Кассандра Лопухина вступили в бой и взяли верх. Был уничтожен жестокий демон-оборотень Болгарык, за ним его брат — батька Кучерем. Остался третий — таинственный демон Хаар, не обладающий разрушительной силой старших братьев, но способный действовать иначе — подчинять себе душу человека. Чтобы совладать с ним, нужны совсем другие способности: необходимо оказаться еще более хитрым, коварным и беспопадным, иначе — пропадешь. А разбивающий сердца и губящий души демон Хаар задумал против всех законов природы и воли Создателя продлить свой нечестивый род...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247768-3

© Гедеон А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Зимним вечером художник Иннокентий Гордеевич Скворцов ехал на санях через весь Санкт-Петербург на Васильевский остров. Его пригласила хорошо известная ему по Италии аристократка — путешественница княгиня Аделаида Савойская. В России она бывала крайне редко и теперь воспользовалась случаем и вызвала его к себе.

Они познакомились в Италии, где он по заказу написал ее парадный портрет, назвав тот «Красавица в русских соболях». Портрет вышел хорош и так понравился заказчице, что их творческое знакомство нашло продолжение.

У княгини Аделаиды Савойской, женщины открытой лишь на первый взгляд, был свой интерес на далеких рубежах России — на волжской стороне, среди диких лесов и степей и не менее дикого народа. Жил там некий купец-миллионщик, с которым княгиню связывало давнее знакомство. Звали его Ануфрий Данилович Губин, он сколотил огромное состояние торговлей всякой всячиной, в том числе и «живой водой», которая была из таинственного подземного источника на его земле.

Этому Губину понадобился целый дворец посреди его степи, на окраине села, где он родился, за высоким забором, почти что крепостной стеной. За строительство взялся старший брат Иннокентия — Аристарх, архитектор, младший же должен был сделать дворец чудом света в том, что касалось его внутреннего убранства.

А еще был второй заказ, куда более странный и сложный: под верхним дворцом построить подземный, еще более уникальный, и тоже превратить его в шедевр.

Деньги братьям Скворцовым пообещали огромные, и, конечно, они, два гения, молодые выпускники Академии художеств, немедленно взялись за дело. За три года двойной шедевр был создан — братья Скворцовы вернулись в северную столицу богатыми людьми и теперь сами могли на свой лад строить свою жизнь.

И вот — вызов к сиятельной княгине. Разумеется, живописец Иннокентий Скворцов поспешил к своей патронессе, тем более что она была восхитительно красивой женщиной, о которой мог мечтать любой мужчина. Впрочем, даже смотреть на нее и говорить с ней уже являлось наградой.

Это был час, когда старательные чиновники, засидевшиеся в кабинетах и присутственных местах, разъезжались по домам, а народ уже начинал гулять и кабаки широко открывали свои двери; час, когда северная столица вступала в ночную жизнь и тройки с бубенцами весело катили по Невскому, Литейному, Фонтанке...

Сани вынесли Скворцова на Васильевский. Проспекты, линии, мосты — и вот он, дом в стороне; двухэтажный, немецкий, с высокой крышей, стоящий тут еще с Петровских времен. Непривычная русскому глазу каменная горгулья, разместившись над верхним окном на фасаде, следила за всеми, кто подъезжал к дому.

«Какая гадина, — подумал про себя художник. — И какой странный дом...»

Скворцов прибыл не с пустыми руками — его сани были завалены нужными для работы предметами. Он привез разборный мольберт, пару холстов, тройку палитр, папку с картоном и бумагой для эскизов, ящик с масляными красками, набором кистей, карандашами, углем, сангиной, пастелью и много чем еще необходимым для создания большого полотна. Потому что именно картину, парадный портрет заказала ему княгиня Савойская.

Но не обычный портрет, а групповой. Что не могло не озадачить художника, ведь кроме Аделаиды на полотне должны были появиться еще два пока неизвестных ему человека.

Кто они? Это он и должен был вскоре узнать...

Немного выюжило. Горгулья, хоть и была каменной, кажется, умела вертеть головой и отслеживать каждый шаг гостя. С какой стороны на нее ни посмотри, она все тарщи́лась только на тебя. Своего рода — скульптурный шедевр.

Иннокентий Скворцов поднялся по ступеням парадного. На дверях крепилась голова медного льва с молоточком на кольце в зубах, им-то гость и ударил три раза в круглый медный щит.

Дверь скоро открылась — на пороге стоял дворецкий княгини.

— Добрый вечер, — поклонился художник. — Я...

— Добрый вечер, Иннокентий Гордеевич, — в ответ радушно поклонился дворецкий. — Мы вас ждали! — Он отступил. — Княгиня ждала вас...

— У меня полные сани моего художественного добра, вы не поможете?..

— Конечно, Иннокентий Гордеевич, я все занесу. А вы проходите, будьте так любезны.

Дом был построен на европейский лад, с холлом и двумя лестницами, ведущими на второй этаж. Впрочем, именно Васильевский остров еще при Петре Первом облюбовали немцы, и тут когда-то построили немало чужеземных домов.

Не успел Скворцов войти, сбросить шубу, а по лестнице уже спускалась к нему радушная хозяйка в домашнем платье с открытой грудью, полной и высокой, от которой глаз было не оторвать. Когда-то он мог смотреть на всю эту роскошь сколько угодно, ведь она была его натурщицей, его «Музой в русских соболях», а теперь стеснялся...

— Здравствуйте, Иннокентий, дорогой мой! Как же я рада вас видеть! Мой итальянский русский друг! — Ее ка-

рие блестящие глаза, как всегда, лукаво смеялись. — Мой личный Рафаэль!

Он поцеловал протянутую ему руку, она привлекла его к себе и чмокнула в обе щеки. А как блестели ее карие персидские очи! Таких обольстительных живых глаз еще поискать...

— У нас без церемоний, дорогой Иннокентий, в моем доме все по-домашнему. Сейчас будем пить чай...

И вот они пили чай, болтали, как старые добрые друзья, каковыми, впрочем, и стали еще в Риме. Наконец дошло до дела.

— Написать портрет нужно будет скоро, обойдемся без вороха эскизов, и жить вы будете у меня. Да, все так. Для вас уже приготовлена отличная комната. А за вашими вещами, если вам что-то понадобится, я пошлю слугу.

— И как скоро надо будет написать полотно? — спросил он. — Это ведь три человека, три портрета?

— За неделю.

— Это очень скоро, — смутился гость.

— Я знаю. Но так надо. И вознаграждение вас обрадует.

— И кто будут еще двое моих натурщиков?

— Это мои дальние родственники, — сказала Аделаида. — Но оба мне очень дороги. И пробудут они у меня, как вы догадываетесь, ровно неделю. Они из русской глубинки, от столиц не в восторге, всего незнакомого чураются и стонут, но такие уж они у меня.

— Это мужчины?

— Да, — улыбнулась она. — Они из древних поволжских родов.

— Как их зовут?

Княгиня обворожительно улыбнулась:

— Кирилл и Мефодий.

Теперь улыбнулся Скворцов:

— Как наши учителя письменности?

— Именно так.

— Как это традиционно, по-русски.

— Еще как традиционно, — с пониманием кивнула Аделаида.

— Когда же мы приступим? — спросил художник.

— Сегодня ночью.

— Ночью?

— Да, я жду их к полуночи. Они любят спать днем, а ночью бодрствуют. Такие вот у них волчьи обычаи, — пошутила княгиня. — Ну ничего, вы привыкнете, и потом, это всего-то на неделю. Я едва уговорила их, чтобы память осталась. Понимаете меня?

— Конечно, ваша светлость.

— Ну что вы, Иннокентий, как неродной? Мы же с вами по именам друг друга знаем еще с Италии. Еще раз говорю: без церемоний. Да, забыла, эти мои родственники не больно разговорчивы. — Она чуть кокетливо поморщилась: — С расспросами к ним не приставайте — еще пуще застесняются, а то разозлятся. Лучше все через меня — так будет и дипломатичнее, и безопаснее.

— Безопаснее для кого? — не понял он.

— Я пошутила, Иннокентий, всегда я что-нибудь не то скажу. А теперь вам дворецкий покажет вашу комнату. Ступайте, освоитесь пока, потом я вам покажу залу, где мы троим будем вам позировать. Как раз поставите мольберт. И будем ждать моих дорогих родственников.

Окна его комнаты, уютной и натопленной, выходили на улицу. Он уже успел освоиться, собрать и поставить мольберт в небольшой полутемной зале, выпил две чашки чая, разглядывая в глубине залы широкий кожаный диван, на котором и должны были восседать его натурщики.

— А как же освещение? — спросил Скворцов. — Сколько свечей понадобится нам?

— Ни одной, — ошарашила художника его старая знакомая. — Мы будем позировать вам в полумраке, ну а ваш холст, конечно, будет освещен хоть тысячей свечей, дорогой Иннокентий. Тут как скажете.

— Но как же я разгляжу лица моих натурщиков? — искреннее изумился живописец. — Зачем такие сложности, Аделаида?

— Знаете, если дать привыкнуть глазам к темноте, то человек начинает видеть в десятки раз лучше. Нам не нужна точная проработка портретов, скорее нужны образы главных героев вашего полотна. А мой портрет вы напишете и с закрытыми глазами, — весело пошутила она. — Не так ли?

— Я, конечно, попробую, но это очень необычно.

— Как необычны и те люди, что будут позировать вам, — сказала она уже куда более прохладным тоном. — Я же говорю вам — придется потерпеть всего неделю. А мне ли не знать, как в легких эскизах вы умеете схватывать образ любого человека. Вы — мастер, Иннокентий Гордеевич, большой мастер! Я уверена: у вас все получится.

Он стоял у окна своей комнаты и ждал, когда же к парадному подъедут сани с поздними гостями. Но едва пробило полночь, как в его дверь постучали.

— Войдите, — обернул он.

Дверь открылась, на пороге стояла Аделаида. Она была в черном платье с высоким воротником под самый подбородок.

— Вас ждут, господин художник.

— Кто?

— Мои гости, кто же еще.

— Но когда они успели приехать? Я не отходил от окна...

В полумраке она улыбнулась, но, как показалось Скворцову, эта улыбка уже не была такой добродушной и приветливой, а скорее выдавала только вынужденное терпение.

— Так это будет ваш наряд? — зачем-то спросил он.

— Да, идемте.

Вскоре он зашел за ней в ту самую залу. Вокруг его мольберта и впрямь горело море свечей. Холст был освещен лучше не придумаешь. Но взгляд его так и тянулся к дивану

у дальней стены. По разные стороны на нем сидели двое мужчин. Один высокий и худой, как жердь, в рясе и расстегнутом тулупе, с длинной черной бородой и черными волосами до плеч. Второй — огромный, широкий в кости, в черной косоворотке, похожий на быка и лицом, и мощью. Художник присмотрелся к его облику — только рогов тому и не хватало. «Ну и персонажи! — подумал он. — Может, оно и к лучшему, что она скрывает их от мира. Такую родню покажешь — с тобой здороваться перестанут».

— Ну, здравствуй, художник, — сказал высокий и тощий, с длинной бородой, похожий то ли на монаха, то ли на старообрядца. — Здравствуй, мил человек.

— Здоров, Сковрцов, — развязно шуткнул второй, похожий на быка.

«Говорят, уже хорошо, — подумал Сковрцов. — И на том спасибо».

И поклонился своим натурщикам:

— Здравствуйте, господа.

— Ну что, начнем? — спросила Аделаида.

— Садись, голубка наша, — похлопал здоровенный дедина-бык по дивану между собой и тощим бородачом в тулупе. — С тобой теплее будет.

Аделаида села между ними и гордо подняла голову.

«Вот ужас-то! — вновь подумал Сковрцов. — Кому расскажешь — не поверят! Аделаида Савойская и ее родственники из русской глубинки. Из “древних волжских родов”! Конфуз!»

— Начнем, — смело и собранно кивнул живописец-академист.

Да, человеческий глаз легко привыкает к темноте. И все-таки приходилось щуриться, немного обходить ярко горевшие свечи, чтобы они не мешали, не отвлекали глаз, не заставляли сужаться зрачок, и тогда портреты двух мрачных родственников хозяйки дома проявлялись куда яснее. В первую ночь он создал композиционный рисунок карандашом, прорисовав все три фигуры и наметив их лица.

С первыми признаками рассвета сеанс закончился, и они разошлись как ни в чем не бывало. Трапезничал Скворцов у себя в комнате, как видно, родня не хотела присутствия чужака за столом.

«Ну и ладно, — подумал он. — Всего-то неделя, я справлюсь».

После завтрака он проспал почти до ужина, вместо того съел обед, и с наступлением темноты его сразу же позвали работать. На второй день он уже точно прорисовал карандашом портреты двух престранных мужчин, насколько ему позволяло освещение.

Недостаточное количество света заставило интуитивно прощупывать их психологический портрет, и это немного насторожило художника. Он как будто пытался вдеть в угольное ушко нитку, и та все время проходила мимо. Это разозлило Скворцова. Нужно было собраться и сделать дело!

На третий день, взявшись за палитру, Скворцов со всей силой души, ума и профессионального опыта это дело совершил — нить прошла сквозь игольное ушко! Но это напугало художника. Он стал видеть их образы, и вот они-то и вызвали в нем недоумение и легкий ужас.

Перед ним были и люди — и не совсем люди. Как будто за их человекоподобной внешностью пряталось что-то другое. Иная природа! Речь шла только о двух родственниках Аделаиды Савойской; образ ее самой, такой знакомый, узнанный им еще в Риме, оставался прежним. Разве что в этой компании дохнуло от нее непривычным холодом и высокомерием. Но вот ее мрачные родственники превращались из обычных угрюмых людей в неведомых существ.

— С вами все хорошо, Иннокентий? — на исходе третьего дня, под утро, спросила хозяйка дома.

— Пожалуй, что нет, — уклончиво ответил он. — У меня от ночных бдений и недостатка света разболелась голова. Очень непривычно работать в таких условиях и в такое время.

— Потерпите, голубчик, вам осталось улечься еще в четыре дня.

— Я помню, княгиня, я помню.

В тот день он увидел страшный сон, из которого попытался вырваться, но чем больше прикладывал к тому усилий, тем сильнее и крепче держал его морок в своих цепких лапах.

Он открыл глаза и увидел свою комнату, а в ней себя, укрытого одеялом. Но он не проснулся — он все еще спал! Что-то в этой комнате было не так. Ужас сковал его. В комнате таилась опасность! Скворцов понял, что он тут не один.

Он повернул голову и увидел сидящего на стуле рядом с его кроватью высокого и худого бородача, которого рисовал только что. Тот сидел и молчком, с хитрецей в глазах, следил за ним. Он был похож на татя, что пришел за тобой в урочный час. Иннокентий попытался закричать, но крика не было. Не было голоса! У него словно вырвали язык!

«Тихо, тихо, — бородач приложил указательный палец к губам. — Ты чего, Кеша, так разбушевался? Матушку нашу еще разбудишь. А она почивает. Нехорошо. Ты лежи, Кеша, лежи и меня слушай. Это матушка так решила: рисовать нас. В подарок самому главному. Хозяину нашему. Картину. Чуешь? Каприз такой. А матушке мы отказать никак не можем — любим ее, золотую, брильянтовую. — Тощий бородач потянулся к кровати и уже иным тоном спросил: — Так вот понять хочу, что же ты видишь своим глазом-то, а? Художника? Гения? Каким видишь меня, батьку Кучерёма, царя степей?»

Скворцов хотел было крикнуть: «Чертом тебя вижу! Чертом!» — но и духу не хватило, и нем он был как рыба. «И братца моего, Болгарыка, каким видишь?» — с угрозой продолжал тощий бородач в рясе. — «И братца твоего чертом вижу! — кричал всем сердцем и умом, всей душой художник. — Только еще страшнее!» Но только ртом хватал воздух, не более того. «Стало быть, черти мы? — вдруг все понял бородач. — А-я-яй! А знаешь, Кеша, ты ведь

прав — чутье у тебя как у зверушки лесной, пугливой. Адские мы, ой, адские! — Он покачал головой. — Этак ты с чутьем своим беду себе накличешь. Скромнее надо быть, Кеша. А теперь закрой глаза и не смотри, что будет. Не смотри, Кеша, для твоего здоровья говорю!» — вновь погрозил пальцем тощий высоченный бородач в рясе и тулупе и встал со стула.

Но послушался его Скворцов. Смотрел — во все глаза смотрел! Бородач подошел к стене, вскинул голову, поднял руки и сжал кулаки так, как будто проклинал сами небеса, а затем стал рассыпаться прямо в эфире, обратился в смерч, вихрь и ушел через стену.

Скворцов вырвался из сна в холодном поту и долго слушал тишину. Громко тикали часы. Близился вечер. В доме отдаленно бубнили голоса. Первым желанием было отказаться от работы и уехать немедленно. Попросту бежать! Но он понял, что этому не бывать, и его просто так не отпустят. Надо было дописать портрет — и вот уже тогда, может быть...

Четвертый день перед мольбертом оказался еще страшнее. Он уже не пытался сердцем и разумом вникать в суть своих натурщиков. Напротив, хотел избежать этого. Но суть их лезла наружу. И какая-то сила будто бы сама водила его кистью по полотну.

Лица двух натурщиков, сохраняя человеческие черты, стали превращаться в морды. А еще он перехватил взгляд тощего бородача в тулупе, и хоть тот и прятался от художника в густой тени комнаты, но хитрый и злой взгляд его как будто говорил: «Я же просил тебя, Кеша, не смотреть! Ослушался ты меня, подлец! И теперь тайну мою знаешь...»

Днем Скворцов не спал — не выходил из комнаты, превращенной в мастерскую. Сказал, что ему нужно что-то доработать. Он ничего не ел, пил только воду. Но подремать в кресле ему пришлось, иначе бы он свалился с ног. Полотно он снял с мольберта и предварительно перенес и отвернул к стене.

— Вы словно тень, Иннокентий, вам бы отдохнуть, — по-дозрительно ласковым тоном сказала ему Аделаида.

На пятый день все встало на свои места. Здоровяк превращался в быка с налитыми кровью глазами, в получело-века-полужверя, а тощий бородач — в покойника, у которого через мертвую плоть проступали желтые кости. Оба были страшны, и только Аделаида сияла на их фоне человеческим обликом, но ледяным, как будто лишенным сердца и души, бравшая своей ослепительной внешностью, и только.

На шестой день Иннокентий Скворцов нашел возможность сбежать из этого дома. Он поймал пролетку и помчался к брату Аристарху, жившему на Мойке в собственном особняке. Он выложил ему все начистоту: «Их Аделаида не та, за кого выдавала себя все это время. А ее родня — исчадия ада!» И рассказал все, что видел и слышал и что понял.

«Да ты не болен ли? — заботливо спросил его старший брат. — В зеркале сам себя видел, Иннокентий? На тебя же смотреть страшно. У тебя же глаза душевнобольного, и говоришь ты какую-то чепуху...»

Он вышел от Аристарха непонятым, но страшнее было то, что случилось шагов через сто. У занесенной снегом мостовой стояли широкие сани, а рядом с ними — Аделаида в белой собольей шубе до пят и высокой белой шапке.

— Мы вас искали, Иннокентий Гордеевич, — сказала она. — И беспокоились за вас. Поедьте домой, прошу вас, — и указала рукой на сани. Скворцов хотел было бежать, но когда обернулся, то наткнулся на огромного мордатого городского в шинели и при сабле.

— Барин, — молвил тот, — сделайте как барыня просит, будьте так любезны. На вас же лица нет, еще под копыта тройки какой попадете. Вон как летают! Аки черти! Сделайте, как барыня говорит...

Скворцов вдруг понял, что пойман. С ним разговаривали как с малым непослушным дитем, как с душевнобольным. Художник почувствовал, что силы оставляют его и сбежать